Джон РОЛЗ[1]

ТЕОРИЯ СПРАВЕДЛИВОСТИ*

1. Роль справедливости

Справедливость – это первая добродетель общественных институтов, точно так же как истина – первая добродетель систем мысли. Теория, как бы она ни была элегантна и экономна, должна быть отвергнута или подвергнута ревизии, если она не истинна. Подобным же образом законы и институты, как бы они ни были эффективны и успешно устроены, должны быть реформированы или ликвидированы, если они несправедливы. Каждая личность обладает основанной на справедливости неприкосновенностью, которая не может быть нарушена даже процветающим обществом. По этой причине справедливость не допускает, чтобы потеря свободы одними была оправдана большими благами других. Непозволительно, чтобы лишения, вынужденно испытываемые меньшинством, перевешивались большей суммой преимуществ, которыми наслаждается большинство. Следовательно, в справедливом обществе должны быть установлены свободы граждан, а права, гарантируемые справедливостью, не должны быть предметом политического торга или же калькуляции политических интересов.

---

[1] Ролз Джон. (род. в 1921 г.) – американский политический философ либерально-реформаторского направления, профессор Гарвардского университета. Ролз попытался разработать теорию справедливости, адекватную новой стадии развития капиталистического общества – «социальной рыночной экономики». Он поставил перед собой две задачи: 1) разработать общие принципы справедливости, адекватные современной морали; 2) сформулировать теорию, альтернативную утилитаризму.

Значение теории справедливости Ролза для современной политической философии связано с тем, что ему удалось «перебросить мост» между «правым» либерализмом и «левым» эгалитаризмом. Теория Ролза отличается от других вариантов интерпретации справедливости тем что она содержит осмысление структуры общества, предполагающей сочетание индивидуальной свободы и справедливого распределения материальных благ. С методологической точки зрения его теория является примером сочетания исторически противоположных течений в развитии политико-философской мысли. Поддерживая приоритетность индивидуальных прав, Ролз одновременно указывает на возможность включения эгалитаристского идеала в традицию «общественного договора».

* Публикуется с незначительными сокращениями по: *Ролз Д.* Теория справедливости / Пер. с англ. / Научн. ред. В.В.Целищев. Новосибирск: Изд-во Новосибирского университета, 1995.

Единственное, что позволяет нам неохотно принимать ошибочную теорию, – это отсутствие более лучшей теории. Аналогично, несправедливость терпима только тогда, когда необходимо избежать еще большей несправедливости. Будучи первыми добродетелями человеческой деятельности, истина и справедливость бескомпромиссны.

Эти суждения наверняка выражают наше интуитивное убеждение в первичности справедливости. Без сомнения, они выражают это весьма сильно. В любом случае, я хотел бы исследовать, являются ли эти и подобные им спорные положения обоснованными, и, если это так, как это можно показать. Для этих целей необходимо разработать теорию справедливости, в свете которой эти утверждения могут быть интерпретированы и оценены. Я начну с рассмотрения роли принципов справедливости. Давайте предположим, дабы была понята идея, что общество – это более или менее самодостаточная совокупность людей, которые в своих взаимоотношениях осознают определенные обязывающие их правила поведения и которые, по большей части, поступают согласно этим правилам. Предположим, далее, что эти правила устанавливают систему кооперации, предназначенную обеспечить блага тем, кто следует правилам. Но хотя общество и представляет общественное предприятие во имя взаимной выгоды, для него характерны конфликты интересов, как, впрочем, и их совпадение. Совпадение интересов заключается в том, что социальная кооперация делает возможной для всех лучшую жизнь по сравнению с тем, чем она была бы, если бы каждый жил за счет собственных усилий. Конфликт интересов выражается в том, что людям небезразлично, как большие выгоды, полученные из сотрудничества, распределяются между ними, поскольку в преследовании собственных целей они предпочитают получить больше сами и уменьшить долю, которую нужно разделить с другими. Требуется определенное множество принципов для того, чтобы сделать выбор среди различных социальных устройств, которые определяют разделение выгод, и чтобы прийти к соглашению о распределении долей. Эти принципы являются принципами социальной справедливости: они обеспечивают способ соблюдения прав и обязанностей основными институтами общества. Они же определяют подходящее распределение выгод и тягот социальной кооперации.

Назовем общество вполне упорядоченным (well-ordered), когда оно предназначено не только для обеспечения блага своим членам, но и для эффективного регулирования общественной концепции справедливости. Иными словами, это общество, в котором (1) каждый принимает и знает, что другие принимают те же самые

принципы справедливости, и (2) базисные социальные институты, в общем, удовлетворяют, и, насколько известно, на самом деле удовлетворяют этим принципам. В этом случае, хотя люди могут предъявлять друг другу завышенные притязания, они, тем не менее, признают общую точку зрения, которая позволяет выносить решения по ним. В то время как склонность людей к преследованию собственных интересов заставляет их быть бдительными в отношении друг к другу, общественное чувство справедливости делает возможным их объединение во имя безопасности. Между индивидами с различными целями общая концепция справедливости устанавливает узы гражданского содружества; общее устремление к справедливости ограничивает преследование других целей. Можно полагать общественную концепцию справедливости фундаментальной особенностью вполне упорядоченного человеческого общества.

Конечно, далеко не все существующие общества вполне упорядочены в этом смысле, потому что весьма спорно, что справедливо и что несправедливо. Люди расходятся в том, какие именно принципы должны определять основные условия соглашения в обществе. Но, несмотря на эти расхождения, мы все же можем сказать, что каждый из них имеет концепцию справедливости. То есть они осознают потребность в определенном множестве принципов относительно основных прав и обязанностей и готовы принять их. Эти принципы также определяют правильное распределение выгод и тягот социальной кооперации. Таким образом, понятие справедливости как таковое отличается от конкретных концепций справедливости, и в нем проявляется то общее, что имеется в этих различных концепциях. Тот, кто придерживается других концепций справедливости, может все еще соглашаться, что институты справедливы, когда между людьми не делается произвольных различий в отношении основных прав и обязанностей и когда правила определяют надлежащий баланс между конкурирующими притязаниями на преимущества общественной жизни. Люди могут прийти к соглашению в этом описании справедливых институтов, поскольку понятия произвольного различия и надлежащего баланса, входящие в концепцию справедливости, всегда открыты для такой интерпретации, которая согласуется у каждого с принимаемыми им принципами. Эти принципы позволяют выделить те сходства и отличия среди людей, которые существенны для определения прав и обязанностей, и они специфицируют, какое деление преимуществ является подходящим. Ясно, что это различие между единственным понятием и концепциями справедливости не разрешает серьезных вопросов. Оно просто помогает идентифицировать роль принципов социальной справедливости.

Некоторая мера согласия в концепциях справедливости, однако, не является единственным условием жизнеспособности человеческого общества. Есть и другие фундаментальные социальные проблемы, в частности проблемы координации, эффективности и стабильности. Таким образом, планы индивидов должны быть согласованы так, чтобы их действия были совместимы, и чтобы они могли осуществляться без того, чтобы чьи-либо законные ожидания постигло сильнейшее разочарование. Более того, исполнение этих планов должно привести к выполнению социальных целей такими способами, которые эффективны и совместимы со справедливостью. И, наконец, схема социальной кооперации должна быть устойчивой: она более или менее должна подчиняться основным правилам и действовать согласно им, и когда случаются трения, в действие должны вступать стабилизирующие силы, чтобы предотвратить насилие и восстановить порядок. Сейчас видно, что эти три проблемы связаны с концепцией справедливости. В отсутствие меры согласия в отношении того, что справедливо и что несправедливо, ясно, что индивидам труднее координировать свои планы достаточно эффективно в деле достижения взаимной выгоды. Недоверие и обиды убивают уважение друг к другу, подозрения и враждебность искушают людей поступать таким образом, которого следовало бы избегать. Поэтому в то время как отличительная роль концепции справедливости заключается в спецификации основных прав и обязанностей и в определении приемлемого распределения долей, способы реализации каждой концепции увязаны с проблемами эффективности, координации и стабильности. Мы не можем, в общем, оценить концепцию справедливости только по ее распределительной роли, какой бы полезной ни была эта роль в идентификации концепции справедливости. Мы должны принять в расчет более широкие связи этой концепции, потому что, хотя справедливость и имеет определенный приоритет, будучи важнейшей добродетелью институтов, все-таки, при прочих равных условиях, одна концепция справедливости предпочтительна по отношению к другой, когда желательны ее более широкие следствия.

2. Субъект справедливости

Многие вещи могут полагаться справедливыми и несправедливыми; не только законы, институты и социальные системы, но и самые различные конкретные действия, включая решения, суждения и обвинения. Мы также называем справедливыми и несправедливыми расположения и нерасположения людей, да и самих людей.

Нашим предметом, однако, является социальная справедливость. Для нас главный субъект справедливости – базисная структура общества, или более точно, способы, которыми основные социальные институты распределяют фундаментальные права и обязанности и определяют разделение преимуществ социальной кооперации. Под основными институтами я понимаю конституцию и основные экономические и социальные устройства. Таким образом, защита законом свободы мысли и свободы совести, свободный рынок, частная собственность на средства производства, моногамная семья – это примеры основных социальных институтов. Взятые вместе в рамках одной схемы, основные институты определяют права и обязанности людей и влияют на их жизненные перспективы – кем они надеются быть и как они надеются осуществить это. Базисная структура – это первичный субъект справедливости, поскольку ее воздействие весьма глубоко и присутствует с самого начала. Интуиция говорит нам, что эта структура содержит различные социальные положения, и что люди, занимающие различные социальные положения от рождения, имеют различные ожидания, которые определяются как политической системой, так и экономическими и социальными обстоятельствами. В этом отношении институты общества с самого начала одни социальные положения ставят выше других. Они существенно углубляют неравенство. Они не только всепроникающи, но они также воздействуют на исходные жизненные шансы людей; тем не менее, они не могут быть оправданы апелляцией к понятиям заслуг. Именно к такого рода неравенствам, по предположению, неизбежным в базисной структуре любого общества, должны в первую очередь применяться принципы социальной справедливости. Эти принципы регулируют выбор политического устройства и основные элементы социальной и экономической системы. Справедливость социальной схемы существенно зависит от того, как приписываются фундаментальные права и обязанности, а также от экономических возможностей и социальных условий в различных слоях общества.

Сфера нашего исследования ограничена в двух отношениях. Прежде всего, я имею дело со специальным случаем проблемы справедливости. Я не рассматриваю справедливость институтов и социальных практик вообще, как и отдельные случаи справедливости международного права и отношений между государствами. Следовательно, если предположить, что понятие справедливости применимо всякий раз, когда имеется распределение (allotment) чего-то, что рационально рассматривается как приобретение или ущерб, тогда мы заинтересованы только в одном примере его применения. Нет причин предполагать заранее, что принципы удовлетворяют базисную структуру во всех случаях. Эти принципы мо-

гут не работать для правил и практик конкретных ассоциаций или менее обширных социальных групп. Они могут быть несущественными для различных условностей и повседневных обычаев; они могут не проливать свет на справедливость, или, лучше, честность добровольных совместных процедур сотрудничества для осуществления договорных соглашений. Условия международного права могут потребовать совершенно отличных принципов, выявление которых делается совсем иным образом. Я буду удовлетворен, если мне удастся сформулировать разумную концепцию справедливости для базисной структуры общества, временно рассматриваемой в качестве замкнутой системы, изолированной от других обществ. Значимость этого социального случая очевидна и не нуждается в пояснениях. Вполне естественно предположить, что если мы имеем основательную теорию для этого случая, остальные проблемы справедливости будут в свете этой теории более легкими. С подходящими модификациями такая теория даст ключ для некоторых других подобных вопросов.

Другое ограничение заключается в том, что, по большей части, я рассматриваю принципы справедливости, которые должны регулировать вполне упорядоченное общество. Предполагается, что любой человек поступает справедливо и играет свою роль в поддержании справедливых институтов. Хотя справедливость может быть, как заметил Юм, осмотрительной, ревнивой добродетелью, мы все же можем спросить, каким должно быть совершенно справедливое общество. Таким образом, я рассматриваю, главным образом, то, что я называю теорией строгого согласия (compliance) в противоположность теории частичного согласия. Вторая теория исследует принципы, говорящие нам, как мы должны обращаться с несправедливостью. Это включает такие темы, как теория наказания, доктрина справедливой войны и оправдание способов противодействия несправедливым режимам, от гражданского неповиновения и военного сопротивления до революции и восстания. Сюда также включаются вопросы компенсационной справедливости и сопоставление одной формы институциональной несправедливости с другой. Ясно, что проблемы теории частичного согласия являются неотложными, важными проблемами. Это вещи, с которыми мы сталкиваемся в повседневной жизни. Причина, по которой следует начинать с идеальной теории, заключается в том, что она дает, я полагаю, единственное основание для систематического осмысления этих более неотложных проблем. От такой теории зависит, например, обсуждение проблем гражданского неповиновения (§§55 – 59). Я полагаю, что более глубокое понимание может быть достигнуто именно в этих рамках, и что природа и це-

ли совершенно справедливого общества являются фундаментальной частью теории справедливости.

Однако следует согласиться с тем, что концепция базисной структуры весьма расплывчата. Не всегда ясно, какие институты или ее признаки должны сюда включаться. Но на данный момент было бы преждевременным беспокоиться об этом. Я начну обсуждение принципов, которые применимы к тому, что определенно является частью интуитивно понимаемой базисной структуры. Затем я попытаюсь расширить применение этих принципов таким образом, чтобы они покрывали то, что представляется основными элементами структуры. Эти принципы могут оказаться чрезвычайно общими, хотя это и маловероятно. Достаточно будет того, что они будут применимы к большинству важных случаев социальной справедливости. Следует иметь в виду, что концепция справедливости для базисной структуры обладает ценностью сама по себе. От нее не следует отмахиваться, даже если ее принципы не будут универсально применимыми.

Концепция социальной справедливости в этом случае обеспечивает в первом приближении стандарт, посредством которого должны оцениваться распределительные аспекты базисной структуры общества. Этот стандарт, однако, не следует путать с принципами, определяющими другие добродетели, потому что базисная структура и социальное устройство, вообще говоря, могут быть эффективными и неэффективными, либеральными и несвободными, а также обладать многими другими характеристиками, как справедливыми, так и несправедливыми. Полная концепция, определяющая принципы для всех добродетелей базисной структуры, вместе с их соответствующими весами в случае противоречий между ними, более широка, чем концепция справедливости; это – социальный идеал. Принципы справедливости являются лишь частью такой концепции, хотя и наиболее важной. Социальный идеал, в свою очередь, связан с концепцией общества, видением пути, на котором могут быть поняты цели социальной кооперации. Различные концепции справедливости вырастают из различных пониманий общества в противоборстве мнений о естественных потребностях и благоприятных перспективах человеческой жизни. Для более полного понимания концепции справедливости мы должны сделать более точной концепцию социальной кооперации, из которой она выводится. Но при этом мы не должны терять из поля зрения специальную роль принципов справедливости или же основной субъект, к которому они прилагаются.

В этих предварительных заметках я разграничил понятие справедливости, устанавливающее надлежащий баланс между конку-

рирующими целями, и концепцию справедливости как множество взаимосвязанных принципов для распознавания имеющих отношение к проблеме обстоятельств, определяющих этот баланс. Я также охарактеризовал справедливость лишь как часть социального идеала, хотя предлагаемая мною теория, без сомнения, расширяет ее повседневный смысл. Эта теория предлагается не в качестве описания обычных значений, а как рассмотрение определенных принципов распределения в рамках базисной структуры общества. Я предполагаю, что любая достаточно полная этическая теория должна включать принципы, которые, каковы бы они ни были, составляют ее доктрину справедливости. Понятие справедливости должно быть определено ролью ее принципов в приписывании прав и обязанностей и в нахождении подходящего разделения социальных преимуществ. Концепция справедливости есть интерпретация этой роли.

Этот подход, кажется, не совсем соответствует традиционному. Но я полагаю, что все-таки соответствие есть. Более специфический смысл, который Аристотель придает справедливости и из которого исходят все последующие формулировки, заключается в воздержании от pleonexia, т. е. от получения преимуществ, которые некто приобретает путем захвата того, что принадлежит кому-то другому, его собственности, заслуг, места и т. п., или путем отказа выполнить просьбу человека, которому ты обязан, возвратить долг, не оказать уважения, и т. д. Очевидно, что это определение сформулировано таким образом, чтобы его можно было применять только к поступкам, и люди считаются справедливыми в той мере, в какой их характер способствует устойчивому и эффективному желанию поступать справедливо. Определение Аристотеля, однако, явно предполагает рассмотрение того, что принадлежит самому человеку и что воздается ему. Но такие права, я полагаю, очень часто выводятся из социальных институтов и от допустимых ожиданий, возникающих благодаря им. Нет причины думать, что Аристотель не согласился бы с этим; он определенно имел концепцию социальной справедливости для рассмотрения и этих случаев. Я принял такое определение, которое прямо применимо к наиболее важному случаю – справедливости базисной структуры. И здесь нет противоречия с традиционными понятиями.

3. Основная идея теории справедливости

Моя цель состоит в представлении концепции справедливости, которая обобщает до более высокого уровня абстракции знакомую теорию общественного договора. Ее мы находим, напри-

мер, у Локка, Руссо и Канта [1]. Для того чтобы сделать это, мы не должны думать об исходном контракте как о договоре в каком-то конкретном обществе, заключенном для установления какой-то конкретной формы правления. Скорее, основная идея здесь в том, что принципы справедливости для базисной структуры общества являются объектами исходного соглашения. Это такие принципы, которые свободные и рациональные индивиды, преследующие свои интересы, в исходном положении равенства примут в качестве определяющих фундаментальные соглашения по поводу своего объединения. Эти принципы должны регулировать все остальные соглашения; они специфицируют виды социальной кооперации, которые могут возникнуть, и формы правления, которые могут быть установлены. Этот способ рассмотрения принципов справедливости я буду называть справедливость как честность.

Таким образом, мы должны вообразить, что те, кто занят в социальной кооперации, вместе выбирают, в одном совместном действии, принципы, которые расписывают основные права и обязанности и определяют разделение социальных преимуществ. Люди должны решить заранее, как они будут регулировать свои притязания друг к другу и какова должна быть основная хартия их общества. Точно так же как каждая личность должна решить путем рациональных размышлений, что составляет благо, т. е. систему целей, рациональную для их преследования, так и группа людей должна решить раз и навсегда, что считать справедливым и несправедливым. Выбор, который должен был бы сделать рациональный человек в этой гипотетической ситуации равной свободы, в предположении, что проблема выбора имеет решение, определяет принципы справедливости.

В справедливости как честности исходное положение равенства соответствует естественному состоянию в традиционной теории общественного договора. Это исходное положение не мыслится, конечно, как действительное историческое состояние дел, и в еще меньшей степени, как примитивное состояние культуры. Оно понимается как чисто гипотетическая ситуация, характеризуемая таким образом, чтобы привести к определенной концепции справедливости. Одна из существенных особенностей этой ситуации в том, что никто не знает своего места в обществе, своего классового положения, или социального статуса, а также того, что предназначено ему при распределении природных дарований, умственных способностей, силы и т. д. Я даже предположу, что стороны не знают своих концепций блага или своих психологических склонностей. Принципы справедливости выбираются за занаве-

сом неведения. Это гарантирует, что никто не выиграет и не проиграет при выборе принципов в результате естественных или социальных случайных обстоятельств. Так как все имеют одинаковое положение и никто не способен изобрести принципы для улучшения своих конкретных условий, принципы справедливости становятся результатом честного соглашения или торга. При данных обстоятельствах исходного положения, симметрии отношений среди индивидов, эта исходная ситуация справедливости честна для индивидов как моральных личностей, т. е. как рациональных существ, смею надеяться, имеющих свои собственные цели и способных к чувству справедливости. Исходное положение, можно сказать, – это подходящий исходный статус-кво, и следовательно, фундаментальные соглашения, достигаемые в нем, справедливы. Этим объясняется уместность имени «справедливость как честность»: оно передает идею, что принципы справедливости приняты в исходной ситуации, которая честна. Это не значит, что концепция справедливости и честности – одно и то же; точно так же фраза «поэзия как метафора» вовсе не означает, что концепции поэзии и метафоры совпадают.

Справедливость как честность, как я уже сказал, начинается с самого общего выбора, который люди могут сделать вместе, а именно с выбора первых принципов концепции справедливости, которые должны регулировать критику и реформирование институтов. Можно предположить, что после выбора концепции справедливости они должны выбрать конституцию и законодательную власть для проведения в жизнь законов в соответствии с принципами справедливости, которые приняли в начале. Наша социальная ситуация справедлива, если в результате такой последовательности гипотетических соглашений мы могли бы договориться об общей системе правил, которые определяют ситуацию. Более того, предполагая, что исходное положение все же определяет множество принципов (т. е. что могла бы быть выбрана конкретная концепция справедливости), тогда было бы истинным, что всякий раз, когда социальные институты удовлетворяют этим принципам, люди, занятые в этих институтах, могут сказать друг другу, что они сотрудничают на условиях, на которые они согласились бы, будучи свободными и равными личностями, чьи взаимоотношения строятся на честности. Они могли бы рассматривать все свои соглашения как отвечающие условиям, которые они признали бы в исходном состоянии, включающем общепринятые и разумные ограничения на выбор принципов. Общее осознание этого факта обеспечило бы основание для публичного принятия соответствующих принципов справедливости. Ни одно общество, конечно, не может быть

схемой сотрудничества, в которое люди входят добровольно в буквальном смысле; каждый человек при рождении обнаруживает себя в некотором конкретном положении в некотором конкретном обществе, и природа этого положения существенно воздействует на его жизненные перспективы. Но все же общество, удовлетворяющее принципам справедливости как честности, приближается к идеалу общества, основанного на добровольной схеме настолько, насколько это вообще возможно, потому что оно основано на принципах, которые свободные и равные личности должны принять при справедливых обстоятельствах. В этом смысле его члены автономны, и осознаваемые ими обязательства налагаются добровольно.

Одна из особенностей справедливости как честности в том, что стороны мыслятся в исходной ситуации как рациональные и незаинтересованные друг в друге. Это не означает, что стороны эгоистичны, т. е. имеют лишь некоторые отдельные интересы, скажем, престиж, богатство и господство. Но они рассматриваются как незаинтересованные в интересах других. Предполагается даже, что их духовные цели могут быть противоположными, как могут быть противоположными, например, цели различных религий. Более того, концепция рациональности должна быть интерпретирована, насколько это возможно, в более в узком смысле, принятом в экономических теориях, как нахождение наиболее эффективного средства для достижения определенных целей. Я несколько обновлю эту концепцию позднее (§25), но следует избегать введения в нее спорных этических элементов. В исходной ситуации должно полагаться то, что общепринято.

При разработке концепции справедливости как честности основная задача заключается, очевидно, в том, чтобы определить, какие принципы справедливости следует выбрать в исходном положении. Для того чтобы сделать это, мы должны описать эту ситуацию более детально и тщательно сформулировать проблему выбора, которая в ней возникает. Этими вопросами я займусь в последующих главах. Можно заметить, однако, что раз принципы справедливости мыслятся как возникающие из исходного соглашения в ситуации равенства, встает вопрос о том, следует ли признавать при этом принцип полезности. Сперва кажется, что лица, рассматривающие себя равными, готовыми к предъявлению взаимных притязаний, вряд ли согласились бы на принцип, требующий меньших жизненных перспектив, просто ради увеличения суммы преимуществ других. Так как каждый защищает собственные интересы и продвигает свою собственную концепцию блага, ни у кого нет резона терять во имя большего удовлетворения в об-

щем балансе. При отсутствии сильной и постоянной благожелательности, рациональный человек не примет базисной структуры лишь потому, что она максимизирует алгебраическую сумму преимуществ, которая никак не влияет на его собственные права и интересы. Так что принцип полезности кажется несовместимым с концепцией социальной кооперации среди равных во имя взаимного преимущества. Этот принцип несовместим с идеей взаимности, которая неявно присутствует в понятии вполне упорядоченного общества. Во всяком случае, я буду исходить из этого в своей дальнейшей аргументации.

Я утверждаю, что лица в исходном положении выберут два весьма различных принципа: первый требует равенства в приписывании основных прав и обязанностей, а второй утверждает, что социальное и экономическое неравенство, например в богатстве и власти, справедливо, если только оно приводит к компенсирующим преимуществам для каждого человека, и, в частности, для менее преуспевающих членов общества. Эти принципы исключают обоснование институтов теми соображениями, что трудности для некоторых людей компенсируются большими благами общества в целом. То, что некоторые должны иметь меньше, чтобы остальные процветали, может быть и рационально, но не справедливо. Но нет никакой несправедливости в больших преимуществах, заработанных немногими, при условии, что менее удачливые тем самым улучшают свое положение. Интуитивная идея здесь заключается в следующем: так как благосостояние каждого зависит от схемы сотрудничества, без которого никто бы не мог иметь удовлетворительной жизни, разделение преимуществ должно быть таким, чтобы вызвать желание к сотрудничеству у каждого, включая тех, чье положение ниже. Два упомянутых принципа кажутся честным соглашением, на основании которого лучше обеспеченные, или более удачливые в смысле социального положения, ни о ком из которых мы не можем сказать, что они того заслуживают, могли бы ожидать сотрудничества со стороны других, если некоторая работающая схема является необходимым условием благосостояния всех. Раз мы решили искать такую концепцию справедливости, в которой предотвращается использование случайностей природных дарований и социальных обстоятельств как факторов в поиске политических и экономических преимуществ, мы приходим к этим принципам. Они выражают результат отказа от тех аспектов социального окружения, которые кажутся произвольными с моральной точки зрения.

Проблема выбора принципов, однако, чрезвычайно трудна. Я не ожидаю, что предлагаемый мною ответ будет убедительным

для всех. Имеет смысл с самого начала сказать, что справедливость как честность, подобно другим взглядам в духе общественного договора, состоит из двух частей: (1) интерпретация исходного состояния и проблема выбора, которую она ставит, и (2) множество принципов, на которые можно было бы согласиться. Можно принять первую часть теории (или некоторый ее вариант), но не вторую, и наоборот. Концепция исходной договорной ситуации может казаться разумной, хотя конкретные предлагаемые принципы при этом могут отвергаться. Для убедительности, я хочу продемонстрировать, что наиболее подходящая концепция в этой ситуации ведет к принципам справедливости в противоположность утилитаризму и перфекционизму, и следовательно, что договорная доктрина обеспечивает альтернативу этим взглядам. И все же можно оспорить это мое убеждение, даже если при этом допустить полезность метода договора как способа исследования этических теорий и выявления предпосылок в их основаниях.

Справедливость как честность есть пример того, что я называю договорной теорией. Но могут быть возражения относительно термина «договор» и подобных названий, хотя я полагаю, что они вполне удовлетворительно выполняют свою функцию. Многие слова имеют уводящие в сторону соозначения, которые, с первого взгляда, только запутывают дело. Термины «полезность» и «утилитаризм» не являются в этом отношении исключением. Они тоже имеют много неудачных значений, которые эксплуатируются строгими критиками, и все же они достаточно ясны для тех, кто готов использовать доктрину утилитаризма. То же самое может быть сказано о термине «договор» в применении к моральным теориям. Как я уже говорил, для понимания его необходимо иметь в виду, что он подразумевает некоторый уровень абстракции. В частности, суть имеющего отношение к делу соглашения заключается не во вхождении в данное общество и не в принятии данной формы правления, но в принятии определенных моральных принципов. Более того, все предприятие является чисто гипотетическим: договорная теория утверждает, что принципы должны быть приняты во вполне определенной исходной ситуации.

Положительные стороны договорной терминологии в том, что принципы справедливости могут быть постигнуты как такие принципы, которые могли бы быть выбраны рациональными личностями, и что на этом пути могут быть объяснены и оправданы концепции справедливости. Теория справедливости есть часть, вероятно, наиболее значимая, теории рационального выбора. Далее, принципы справедливости имеют дело с конфликтующи-

ми притязаниями на преимущества, получаемые через социальную кооперацию; они прилагаются к отношениям между несколькими группами или личностями. Слово «договор» предполагает эту множественность групп и личностей, как и то, что подходящее разделение преимуществ должно осуществляться в соответствии с принципами, приемлемыми для всех сторон. Условие публичности для принципов справедливости также схватывается договорной фразеологией. Так, если эти принципы являются результатом соглашения, граждане знают принципы, которым следуют другие. Характерной чертой договорных теорий является упор на публичный характер политических принципов. Наконец, договорная доктрина имеет большие традиции. Установление связей с этим направлением мысли помогает сформировать идеи и согласуется с природным благочестием. Так что имеется несколько преимуществ в использовании термина «договор». Если принять меры предосторожности, термин не будет вводить в заблуждение.

И последнее замечание. Справедливость как честность – это не полностью договорная теория. Ясно, что договорная идея может быть распространена и на выбор более или менее цельной этической системы, т. е. может включать принципы для всех добродетелей, а не только для справедливости. Я же в основном буду рассматривать только принципы справедливости и близкие к ним. Я не пытаюсь систематически обсуждать все добродетели. Ясно, что если справедливость как честность окажется успешной теорией, тогда следующим шагом будет изучение более общего взгляда, называемого «правильность как честность». Но даже эта более широкая теория не объемлет всех моральных отношений, так как включает только межличностные отношения и оставляет в стороне вопросы, как мы должны вести себя по отношению к животным и остальной природе. Я не считаю, что договорная теория предлагает решение этих проблем, которые, конечно же, очень важны, и я оставляю их в стороне. Мы должны осознавать ограниченность сферы справедливости как честности и более общего взгляда, примером которого справедливость как честность является. Нельзя решить заранее, в какой степени эти заключения могут быть изменены после того, как будут поняты другие вопросы.

[…]Теория справедливости может быть разделена на две основные части: первая – интерпретация исходной ситуации и формулирование различных принципов, которые в ней можно выбрать, и вторая – аргументация, устанавливающая, какой из принципов мог бы быть на самом деле принят[…].

10. Институты и формальная справедливость

Первичным субъектом принципов социальной справедливости является базисная структура общества, т. е. устройство главных социальных институтов в рамках одной схемы кооперации. Мы видели, что эти принципы должны определять приписывание прав и обязанностей в этих институтах, и они же должны определять подходящее распределение выгод и тягот социальной жизни. Принципы справедливости для институтов не следует путать с принципами, которые применимы к индивидам и их действиям в конкретных обстоятельствах. Каждый вид принципов применим к различным субъектам и должен обсуждаться отдельно.

Под институтом я буду понимать публичную систему правил, которые определяют должность и положение с соответствующими правами и обязанностями, властью и неприкосновенностью, и тому подобное. Эти правила специфицируют определенные формы действий в качестве разрешенных, а другие – в качестве запрещенных, и по ним же наказывают одни действия и защищают другие, когда происходит насилие. В качестве примеров институтов, или более общих социальных практик, мы можем привести игры и ритуалы, суды и парламенты, рынки и системы собственности. Институт можно представить двумя способами: сначала как абстрактный объект, т. е. как возможную форму поведения, выражаемую системой правил, и далее, как реализацию мысли и поведения определенных личностей в определенное время и в определенном месте действия, специфицированных этими правилами. Тут возникает двусмысленность, что считать справедливым или несправедливым – институт реализованный, или же институт как абстрактный объект. Самое лучшее – считать справедливым или несправедливым реализованный институт, эффективно и беспристрастно управляемый. Институт как абстрактный объект справедлив или несправедлив в смысле справедливости или несправедливости любой его реализации.

Институт существует в определенное время и в определенном месте, и действия, им специфицированные, выполняются в соответствии с правом и публичным осознанием того, что необходимо следовать системе правил, определяющих институт. Так, парламентские институты определяются некоторой системой правил (или семейством таких систем, чтобы позволить вариации). Эти правила являются перечнем определенных форм действий, от участия в сессии парламента для голосования по законопроекту до просьбы предоставить слово по порядку ведения. Различные виды общих норм образуют согласованную систему. Парламентский инсти-

тут существует в определенное время и в определенном месте; люди выполняют подходящие действия, проявляют требуемую активность, с общим осознанием взаимопонимания по поводу необходимости следования правилам, на которые согласились все.

Говоря, что институт, и следовательно, базисная структура общества, есть публичная система правил, я имею в виду, что каждый включенный в нее человек знает, что он знал бы, если сами правила, а также его участие в определяемой ими деятельности, были результатом соглашения. Лицо, принимающее участие в институте, знает, что правила требуют от него и других. Он также знает, что это знают и другие, и что они знают, что он знает, и т. д. На самом деле, это условие не всегда выполняется в реальных институтах, хотя оно представляет разумное упрощающее предположение. Принципы справедливости должны прилагаться к социальным устройствам, являющимся в этом смысле публичными. Там, где правила определенной части института известны только тем, кто принадлежит этому институту, существует понимание того, что эти люди могут творить правила для себя лишь в той мере, в какой правила предназначены для достижения общих для всех людей целей и не противоречат их интересам. Публичность правил для институтов гарантирует, что тот, кто участвует в них, знает, какие ограничения на поведение ожидать друг от друга и какие действия позволяемы. Имеется общее основание для определения взаимных ожиданий. Больше того, во вполне упорядоченном обществе, эффективно регулируемом разделяемой всеми концепцией справедливости, есть также публичное понимание того, что справедливо и что несправедливо. Позднее я предположу, что публичный характер выбранных принципов справедливости должен быть частью знания (§23). Это условие естественно для договорной теории.

Необходимо отметить различие между учреждающими (constitutive) институт правилами, в которых устанавливаются различные права и обязанности, и т. д., и стратегиями и принципами (maxim) в отношении того, как лучше использовать преимущества института для конкретных целей. Рациональные стратегии и принципы обосновываются анализом того, на какого рода позволяемые действия решатся индивиды и группы, приняв во внимание свои интересы и веры, а также догадки о планах других людей. Эти стратегии и принципы сами не являются частью институтов. Скорее, они принадлежат теории институтов, например, теории парламентарной политики. Обычно теория институтов, как и теория игры, учреждающие правила берет в качестве данных, и анализирует способы распределения власти, а также объясняет участникам

распределения, как реализовать заложенные в них возможности. В конструировании и реформировании социальных устройств нужно, конечно, проверять схемы и тактики, которые в них позволяются, и формы поведения, которые поощряются. Идеально правила должны быть устроены так, чтобы люди, ведомые своими преобладающими интересами, поступали в русле содействия социально желательным целям. Поведение индивидов, руководимых рациональными планами, должно быть скоординировано, насколько это возможно, с результатами, которые не являются намеренными или даже предвиденными, но тем не менее — наилучшими с точки зрения социальной справедливости. Бентам рассматривал эту координацию как искусственное отождествление интересов, а Адам Смит – как работу невидимой руки[2]. Цель идеального законодателя заключается в предписывании законов, а моралиста – в побуждении к их реформированию. И все-таки, стратегии и тактики, принимаемые индивидами, будучи существенными для оценки институтов, не являются частью публичной системы определяющих институты правил.

Мы также можем провести различие между одиночным правилом (или группой правил), институтом (или же главной его частью) и базисной структурой социальной системы как целым. Причина для этого состоит в том, что одно или несколько правил устройства общества могут быть несправедливыми, чего не скажешь обо всем институте. И наоборот, институт может быть несправедливым, но социальная система в целом может быть справедливой. Существует возможность не только того, что одиночные правила и институты не являются сами по себе достаточно важными, но и того, что в рамках структуры института или социальной системы одна кажущаяся несправедливость компенсируется другой. Целое менее несправедливо, чем могло бы быть, если бы оно содержало лишь одну из несправедливых частей. Далее, вполне возможно вообразить такую ситуацию, что социальная система несправедлива, хотя ни один из ее институтов, взятый отдельно, не является несправедливым: несправедливость есть следствие того, как они скомбинированы в одну систему. Один институт может поощрять и оправдывать как раз те ожидания, которые отрицаются или игнорируются другим институтом. Эти различения достаточно ясны. Они просто отражают тот факт, что в оценке институтов мы можем рассматривать их в широком или узком контекстах.

Отметим, что есть такие институты, по отношению к которым концепция справедливости не приложима в обычном смысле. Скажем, ритуал обычно не считается ни справедливым, ни несправедливым, хотя, без всяких сомнений, можно представить случаи,

в которых это неверно, например, ритуальное принесение в жертву перворожденного или военнопленных. Общая теория справедливости должна объяснять, в каких случаях ритуал и другие практики, вообще-то не рассматриваемые как справедливые и несправедливые, подлежат подобной критике. Предположительно, они должны включать некоторые способы выделения (allocation) личностям определенных прав и ценностей. Я не буду, однако, рассуждать на эту тему. Наше рассмотрение касается лишь базисной структуры общества и его основных институтов, и следовательно, стандартных случаев социальной справедливости.

Теперь давайте предположим, что существует определенная базисная структура. Ее правила удовлетворяют определенной концепции справедливости. Мы можем сами не принимать ее принципов; мы даже можем полагать их одиозными и несправедливыми. Но они являются принципами справедливости в том смысле, что в этой системе им отводится роль справедливости: они обеспечивают приписывание фундаментальных прав и обязанностей, и они определяют разделение преимуществ от социальной кооперации. Давайте также вообразим, что эта концепция справедливости в целом принята в обществе и что институты управляются беспристрастными и последовательными судьями и другими официальными лицами. То есть подобные случаи трактуются подобным образом, существенные подобия и различия идентифицируются по существующим нормам. Правило, определяемое институтом как корректное, выполняется всеми и должным образом интерпретируется властями. Такое беспристрастное и последовательное управление законами и институтами, каковы бы ни были их основные принципы, мы можем назвать формальной справедливостью. Если мы считаем, что справедливость всегда выражает определенный вид равенства, тогда формальная справедливость требует, чтобы законы и институты применялись равно (т. е. одинаковым образом) к представителям классов, определенных ими. Как утверждал Сиджвик, этот вид равенства является следствием самого понятия института или закона, раз они мыслятся в качестве схемы общих правил. Формальная справедливость есть приверженность принципу, или, как часто говорят, повиновение системе.

Ясно, добавляет Сиджвик, что законы могут выполняться, а институты работать, и в то же время быть несправедливыми. Трактовка подобных случаев подобным образом не является достаточной гарантией реальной справедливости. Все зависит от принципов, согласно которым построена базисная структура. Нет никакого противоречия в предположении, что рабовладельческое или кастовое общества, или же общество, санкционирующее са-

мые произвольные формы дискриминации, может быть равно и последовательно управляемым, хотя это и маловероятно. Тем не менее, формальная справедливость, или справедливость как правильность (regularity) исключает серьезные случаи несправедливости. Если предполагается, что институты разумно справедливы, тогда весьма важно, чтобы власти были беспристрастны, и на них не влияли в рассмотрении конкретных случаев ни личные, ни денежные, ни другие не имеющие отношения к делу обстоятельства, формальная справедливость в случае институтов законности есть просто аспект правления закона, поддерживающего и гарантирующего допустимые ожидания. Несправедливость – это отсутствие у судей и других властей приверженности надлежащим правилам или интерпретациям при рассмотрении притязаний. Личность несправедлива в той степени, в какой ее характер и наклонности располагают ее к таким действиям. Более того, даже в тех случаях, где законы и институты несправедливы, иногда лучше, если бы они применялись последовательно. В этом случае люди, подчиняющиеся законам, по крайней мере, знают, что от них требуется, и могут себя соответственно защитить. В то же самое время еще большая несправедливость проявляется в том, что в отношении непреуспевших творится произвол в тех конкретных случаях, когда правила должны обеспечить им безопасность. С другой стороны, еще лучше было бы в конкретных случаях облегчать положение тех, с кем несправедливо обходятся, нарушая существующие нормы. Как далеко мы зайдем в оправдании такой тактики, особенно ценой ожиданий, основанной на честности существующих институтов, – один из самых запутанных и сложных вопросов политической справедливости. В общем, все, что может быть сказано, – это то, что сила требований формальной справедливости, повиновения системе явно зависит от реальной справедливости институтов и возможности их реформ.

Некоторые полагают, что на самом деле реальная (substantive) справедливость и формальная справедливость имеют тенденцию идти рука об руку, и следовательно, в высшей степени несправедливые институты никогда не управлялись беспристрастно и последовательно, во всяком случае, редко. Тот, кто поддерживает несправедливые устройства и приобретает от этого, кто отрицает с презрением права и свободы других, неохотно допускает сомнения относительно правления закона, которые могут задеть их частные интересы. Неизбежная расплывчатость законов в общем и широкая сфера дозволяемой их интерпретации поощряет произвол в решениях, который может быть уменьшен лишь приверженностью к справедливости. Таким образом, утверждается, что

там, где мы находим формальную справедливость, – правление закона и выполнение допустимых ожиданий, – мы, наверняка находим и реальную справедливость. Желание следовать правилам беспристрастно и последовательно, трактовать подобные случаи подобным образом и принимать следствия применения публичных норм – тесно связано с желанием, или, по крайней мере, с намерением признать права и свободы других, разделять справедливо выгоды и тяготы социальной кооперации. Одно желание имеет тенденцию ассоциироваться с другим. Этот взгляд определенно правдоподобен, но я не буду рассматривать его здесь. Потому что он не может быть по настоящему оценен до тех пор, пока мы не будем знать, каковы наиболее разумные принципы реальной справедливости, и как люди приходят к ним и живут по ним. Как только мы поймем содержание этих принципов и их обоснование в разуме и человеческих установках, мы будем в состоянии, может быть, решить, связаны ли друг с другом формальная и реальная справедливость.

11. Два принципа справедливости

Я теперь могу установить предварительный вид двух принципов справедливости, на которые, с моей точки зрения, согласились бы в исходном положении. Первая формулировка принципов будет носить экспериментальный характер. По ходу дела мы рассмотрим несколько формулировок и приблизимся, шаг за шагом, к окончательному их виду, который будет приведен много позднее. Я полагаю, что такая процедура делает изложение весьма естественным. Первая формулировка двух принципов такова. ***Первый принцип:*** каждый человек должен иметь равные права в отношении наиболее обширной схемы равных основных свобод, совместимых с подобными схемами свобод для других. ***Второй принцип:*** социальные и экономические неравенства должны быть устроены так, чтобы: (а) от них можно было бы разумно ожидать преимуществ для всех, и (б) доступ к положениям (positions) и должностям был бы открыт всем.

[…]Эти принципы применяются главным образом, как я уже говорил, к базисной структуре общества и управляют приписыванием прав и обязанностей, а также регулируют распределение социальных и экономических преимуществ. Их формулировка предполагает, что, для целей теории справедливости, социальная структура может рассматриваться как состоящая из двух частей, к одной из которых применяется первый принцип, а к другой – второй принцип. Таким образом, мы можем различить аспекты соци-

альной системы, которые определяют и гарантируют равные основные свободы, и аспекты, которые специфицируют и устанавливают социальные и экономические неравенства. Тут существенно отметить, что основные свободы задаются перечнем таких свобод. В нем важное место занимают:

– политическая свобода (право голосовать на выборах и занимать официальную должность), свобода слова и собраний; свобода совести и свобода мысли; свобода личности, включающая свободу от психологического подавления, физической угрозы и расчленения (целостность человека); право иметь личную собственность и свободу от произвольного ареста и задержания, как то определено правлением закона. Эти свободы должны быть равными, согласно первому принципу.

Второй принцип применяется, в первом приближении, к распределению доходов и богатства и к устройству организаций, которые используют различия во власти и ответственности. В то время как распределение доходов и богатства не обязательно должно быть равным, оно должно быть направлено на получение преимуществ, всеми, и в то же самое время властные ответственные должности должны быть доступны всем. Второй принцип применяется при открытости должностей, и будучи подвержен этому ограничению, устанавливает социальные и экономические неравенства к выгоде всех.

Эти принципы должны быть упорядочены так, что первый принцип первичен по отношению ко второму. Это упорядочение означает, что не могут быть оправданы нарушения основных свободу защищенных первым принципом, или же компенсация нарушения большими социальными и экономическими преимуществами. Эти свободы занимают центральное положение в применениях и могут, быть ограничены или стать частью компромисса только при конфликте с другими основными свободами. Поскольку эти свободы могут быть ограничены при столкновении друг с другом, ни одна из них не является абсолютной; но будучи приспособлены друг к другу, они все подчинены одной и той же системе. Трудно, вероятно, даже невозможно дать полную спецификацию этих свобод независимо от конкретных обстоятельств данного общества – социальных, экономических или технологических. Гипотеза заключается в том, что общая форма такого перечня должна быть изобретена с достаточной точностью, так чтобы поддерживать эту концепцию справедливости. Конечно, свободы, не входящие в перечень, например, право владеть определенными видами собственности (в частности, средствами производства) или свобода договоров, как она понимается доктриной laissez-faire,

не являются основными; по этой причине они не защищены первым принципом. Наконец, в отношении второго принципа, распределение богатства и дохода, власти и ответственности, должно быть совместимым как с основными свободами, так и с равенством возможностей.

Два принципа весьма специфичны по своему содержанию, и принятие их основывается на определенных предположениях, которые я по ходу дела постараюсь объяснить. Пока же необходимо заметить, что эти принципы являются специальным случаем более общей концепции справедливости, которая может быть выражена следующим образом.

Все социальные ценности – свобода и благоприятные возможности, доходы и богатство, социальные основы самоуважения – все это должно быть равно распределено, кроме тех случаев, когда неравное распределение любой, или всех, из этих ценностей дает преимущество каждому.

Несправедливость, тогда, есть просто неравенства, которые не дают преимуществ каждому. Конечно, эта концепция чрезвычайно расплывчата и требует интерпретации.

В качестве первого шага сделаем предположение, что базисная структура общества распределяет некоторые первичные блага, т. е. вещи, которые каждый рациональный человек хотел бы иметь. Эти блага являются частью обихода, независимо от того, каков рациональный план жизни человека. Для простоты предположим, что главные первичные блага в распоряжении общества – это права, свободы, благоприятные возможности, доходы и богатство. (Позднее в части третьей первичное благо самоуважения займет центральное место.) Они являются социально первичными благами. Другие первичные блага, такие как здоровье и энергия, интеллект и воображение, – естественные блага. Хотя на обладание ими влияет базисная структура, они не находятся прямо под ее контролем. Вообразим тогда гипотетическое исходное устройство, в котором все социально первичные блага равно распределены: каждый имеет одни и те же права и обязанности, и доходы и богатство поделены одинаково. Это положение дел устанавливает точку отсчета, которая позволяет судить об улучшениях. Если определенные неравенства в богатстве и различия во власти сделают ситуацию каждого лучше, чем она была в гипотетической ситуации, тогда эти неравенства согласуются с общей концепцией.

Вполне возможно, по крайней мере теоретически, что отказавшись от некоторых фундаментальных свобод, люди достаточно скомпенсируют их социальными и экономическими приобретения-

ми. Общая концепция справедливости не налагает ограничений на то, какого рода неравенства допустимы; она требует только, чтобы при этом положение каждого было улучшено. Нам нет нужды предполагать столь радикальные вещи, как, например, согласие на рабство. Но вообразим такую ситуацию, в которой люди хотели бы отказаться от определенных политических прав, когда экономические доходы значительны. Как раз такого рода обмен и запрещается двумя принципами; будучи упорядоченными, они не позволяют обмена между основными свободами и экономическими и социальными приобретениями, за исключением извинительных обстоятельств.

По большей части я займусь не общей концепцией справедливости, а скорее, двумя упорядоченными принципами. Преимущество этой процедуры состоит в том, что сначала распознаются приоритеты и делаются попытки найти принципы, которые могли бы им соответствовать. При этом уделяется тщательное внимание условиям, при которых абсолютный вес свободы в отношении социальных и преимуществ, определенных лексическим порядком двух принципов, был бы разумным. С первого взгляда это ранжирование кажется крайностью и слишком специальным случаем, чтобы представлять серьезный интерес. Но оно имеет гораздо больше оснований, чем это представляется вначале. Во всяком случае, я попытаюсь показать это (§82). Далее, различение фундаментальных прав и свобод, экономических и социальных преимуществ означает различие между первичными социальными благами. Последнее различие предполагает важные разделения (division) внутри социальной системы. Конечно, все эти различия и предлагаемое упорядочение будут, в лучшем случае, только приближениями. Существуют, наверняка, такие обстоятельства, в которых они не срабатывают. Но важно отчетливо наметить основные направления разумной концепции справедливости, и во многих ситуациях, как бы то ни было, два упорядоченных принципа могут достаточно хорошо служить.

Тот факт, что два принципа применяются к институтам, имеет определенные следствия. Прежде всего, все права и основные свободы, к которым относятся эти принципы, определены публичными правилами базисной структуры. Свободны люди или нет – это определяется правами и обязанностями, установленными главными институтами общества. Свобода – это некоторая структура (pattern) социальных форм. Первый принцип просто требует, чтобы определенные виды правил, определяющие основные свободы, применялись равным образом ко всем, и чтобы они позволяли наибольшим свободам совмещаться с подобными свободами

для всех. Единственная причина для ограничения основных свобод и для уменьшения их сферы состоит в том, что в противном случае они будут противоречить друг другу.

Далее, когда в принципах говорится о людях или о том, чтобы каждый имел выгоду от неравенства, речь идет о репрезентативных личностях, имеющих различное социальное положение, должность, которые устанавливаются базисной структурой. Таким образом, в применении второго принципа я предполагаю возможность приписывания репрезентативным индивидам, занимающим некоторые положения, ожиданий благосостояния. Эти ожидания указывают на перспективы их жизни с точки зрения их социального положения. В общем, ожидания репрезентативной личности зависят от распределения прав и обязанностей по всей базисной структуре. Ожидания связаны: увеличением перспектив репрезентативной личности в одном положении мы наверняка увеличиваем или уменьшаем перспективы репрезентативных людей в других положениях. Так как это применимо к институциональным формам, второй принцип (или, скорее, первая часть его) указывает на ожидания репрезентативных индивидов. Как я утверждаю ниже (§14), ни один принцип не применяется к выделению (allocation) конкретных благ конкретным индивидам, которые могут быть идентифицированы по именам. Ситуация, где некто думает над тем, как распределить некоторые товары среди известных ему нуждающихся людей, не находится в сфере действия принципов. Принципы призваны регулировать базисные институциональные устройства. Мы не должны предполагать с точки зрения справедливости большого сходства между административным выделением (allotment) благ конкретным личностям и подходящим устройством общества. Наша обыденная интуиция относительно первого может быть плохим гидом для второго.

Второй принцип настаивает на том, что каждый человек имеет выгоду от допустимых неравенств в базисной структуре. Это означает, что для каждого репрезентативного человека, определенного этой структурой, при рассмотрении им происходящего должно быть разумно предпочесть свои перспективы вкупе с неравенствами, нежели перспективы без них. Не позволено оправдывать различия в доходах или власти на том основании, что ущемления репрезентативного человека в одном положении перевешиваются большими преимуществами репрезентативного человека в другом положении. Еще менее оправдана компенсация подобного рода при нарушении свобод. Ясно, однако, что есть бесконечно много путей, где все могут выиграть, когда в качестве образца взято исходное соглашение равенства. Как в этом случае выби-

рать между этими возможностями? Принципы должны быть специфицированы так, чтобы дать определенный ответ на этот вопрос. Я перехожу сейчас к этой проблеме.

16. Существенные социальные положения

При применении двух принципов справедливости к базисной структуре общества берется положение определенных репрезентативных индивидов и рассматривается, как они выглядят в социальной системе.

Перспективы этих людей в этих ситуациях определяют соответствующую общую точку зрения. Но, конечно, не все социальные положения являются существенными. Есть, например, не просто фермеры, а фермеры, специализирующиеся по молоку, по зерну, фермеры, работающие на огромных участках земли: множество вариантов занятий и групп фермеров; перечень можно продолжать как угодно долго. Мы не можем иметь согласованной и обозримой теории, если нужно принимать во внимание такую множественность положений. Оценка такого множества конкурирующих притязаний невозможна. Следовательно, мы нуждаемся в идентификации определенных положений как более основных по сравнению с другими, дающих подходящую точку зрения для суждения о социальной системе. Таким образом, выбор этих положений становится частью теории справедливости. Но согласно какому принципу они должны идентифицироваться?

Для того чтобы ответить на этот вопрос, мы должны иметь в виду фундаментальную проблему справедливости и тот способ, которым два принципа справедливости объясняют ее. Первичным субъектом справедливости, как я утверждал, является базисная структура общества. Причина этого состоит в том, что ее воздействие глубоко пронизывает все сферы справедливости изначально. Эта структура благоприятствует одним стартовым местам и не благоприятствует другим в разделении выгод социальной кооперации. Именно такие неравенства должны регулироваться двумя принципами. Раз эти принципы выполняются, позволительно возникновение и других неравенств, являющихся результатом добровольных действий людей в соответствии с принципом свободной ассоциации. Таким образом, существенные социальные положения являются, так сказать, стартовыми местами, подходящим образом обобщенными и представленными совокупно. Выбирая эти положения для спецификации общей точки зрения, мы имеем в виду идею, что два принципа пытаются умерить произвол природных случайностей и социальной удачи.

Я предполагаю, что, по большей части, каждый индивид занимает два существенных положения: положение равного гражданина и положение, определяемое его местом в распределении доходов и богатства. Существенные репрезентативные люди, следовательно, являются репрезентативными гражданами, а также представителями тех, кто имеет различные ожидания в отношении индивидуально распределенных первичных благ. Так как я предполагаю в общем, что другие положения люди занимают добровольно, нам нет нужды рассматривать точку зрения людей в этих положениях для суждений о базисной структуре. Вместо этого мы должны приспособить всю схему для того, чтобы учесть предпочтения людей в так называемых стартовых местах.

Теперь, насколько это возможно, базисная структура должна оцениваться с точки зрения равного гражданства. Это положение определяется правами и свободами, требуемыми принципом равной свободы и принципом честного равенства возможностей. Когда два этих принципа удовлетворены, все являются равными гражданами, и поэтому каждый занимает это положение. В этом смысле равное гражданство определяет общую точку зрения. Проблема арбитража среди основных свобод решается ссылкой на эту точку зрения. Эти вещи я собираюсь обсудить в главе IV. А здесь следует отметить, что с точки зрения этого положения могут быть рассмотрены многие вопросы социальной политики. Это все вопросы, которые касаются каждого, и в отношении которых распределительные эффекты несущественны или беспредметны. В этих случаях может быть применен принцип общего интереса. Согласно этому принципу, институты ранжируются тем, насколько эффективно они гарантируют условия, необходимые равно для всех людей в преследовании ими своих целей, или же как эффективно они продвигают всеми разделяемые цели, от которых выигрывают все. Таким образом, разумное регулирование при поддержании общественного порядка и безопасности или же эффективные меры в здравоохранении продвигают в этом смысле общие интересы. На то же направлены коллективные усилия по национальной обороне в справедливой войне. Можно предположить, что поддержание общественного здоровья и безопасности или же достижение победы в справедливой войне имеют распределительный эффект: имеющие более высокие ожидания выигрывают больше, так как у первых есть что терять. Но если социальные и экономические неравенства справедливы, тогда этими эффектами можно пренебречь и применить принцип общего интереса. Точка зрения равного гражданства оказывается здесь подходящей.

Определение репрезентативного человека для выработки суждения о социальных и экономических неравенствах менее удовлетворительно. Во-первых, потому, что рассматривая этих индивидов через призму уровня их доходов и богатства, я предполагаю, что эти первичные блага достаточно скоррелированы с различиями во власти и ответственности. То есть я предполагаю, что обладающие, скажем, большей политической властью или имеющие большую ответственность в различных ассоциациях, в общем, выигрывают и в других отношениях. В целом это предположение кажется мне достаточно безопасным для наших целей. Возникает также вопрос о том, сколько таких репрезентативных людей надо выделить, но это не самый серьезный вопрос, потому что принцип различия выбирает одного представителя для специальной роли. Настоящая трудность заключается в том, как определить наименее удачливую группу.

Для понимания идеи, давайте выделим наименее преуспевших как тех, кто оказался в наименее выгодном положении благодаря трем основным видам случайностей. Таким образом, эта группа включает людей, чье семейное и классовое происхождение дает меньшие преимущества, чьи природные дарования (как они реализованы) позволяют жить им менее удовлетворительно и удача которых в ходе всей жизни оказывается не столь большой, если исходить из нормальных пределов и соответствующей меры (как будет замечено ниже), основанных на социальных первичных благах. На практике будут необходимы различные уточнения, но это грубое определение наименее преуспевших удачно выражает связь с проблемой случайностей и должно быть достаточным для наших целей здесь. Я предположу сейчас, что каждый имеет физические потребности и психологические способности в нормальных пределах, так что проблемы специальной медицинской помощи и лечения умственно неполноценных не возникают. Помимо преждевременного обсуждения вопросов, выводящих нас за пределы теории справедливости, рассмотрение этих трудных случаев может сбить с правильного пути наше моральное восприятие, заставляя нас думать о чужих людях с жалостью и тревогой. Между тем, первая проблема справедливости касается отношений среди тех, кто в повседневной жизни является полноценным и активным членом общества и всю свою жизнь прямо или косвенно связан с другими такими же членами общества. Таким образом, принцип различия должен применяться к гражданам, вовлеченным в социальную кооперацию; если принцип не подходит для этого случая, он должен считаться невыполненным вообще.

Кажется, невозможно избежать определенного произвола в действительной идентификации наименее преуспевшей группы. Одна возможность состоит в выборе определенного социального положения, скажем, неквалифицированного рабочего, и затем в отношении к наименее преуспевшей группе всех тех, чей приблизительный доход и богатство совпадают с параметрами для этого социального положения. Другой критерий может быть определен в терминах относительных дохода и богатства без всякого упоминания социальных положений. Например, все люди с величиной, меньше половины указанных показателей, могут рассматриваться в качестве наименее преуспевших. Этот критерий зависит только от низшей половины распределения, и интересен тем, что фокусирует внимание на социальной дистанции между наинизшими и средними гражданами[3]. Любой из этих критериев должен применяться к тем, кто наименее преуспел из-за различных случайностей, а также должен дать основание для определения того, какой уровень разумного социального минимума мог бы быть установлен; это же основание, вместе с другими мерами, будет служить отправной точкой для общества в выполнении принципа различия. Любая процедура подобного рода будет иметь характер ad hoc процедуры. И все же мы обязаны взывать на определенном этапе к практическим рассмотрениям, потому что рано или поздно способность философских или других аргументов к проведению тонких различений иссякнет. Я предполагаю, следовательно, что люди в исходном положении понимают все эти вопросы и что они оценивают принцип различия при сравнении с другими соответствующими альтернативами.

Справедливость как честность оценивает социальную систему, насколько это возможно, с позиций равного гражданства и различных уровней доходов и богатства. Иногда, однако, могут быть приняты в расчет и другие положения. Если есть, например, неравные основные права, которые коренятся в закрепленных природных характеристиках, эти неравенства выделят существенные положения. Так как эти характеристики не могут быть изменены, определяемые ими положения считаются стартовыми местами в базисной структуре общества.

К этому типу относятся как половые, так и культурные и расовые различия. Скажем, если в приписывании основных прав мужчины находятся в предпочтительном отношении, то это неравенство оправдывается принципом различия (в общей интерпретации), только если это работает на преимущество женщин и приемлемо с их точки зрения. Аналогичные условия применяются к оправданию кастовых систем, расовых и этнических неравенств (§39). Такие неравенства увеличивают количество существенных положений и ус-

ложняют применение двух принципов. С другой стороны, эти неравенства редко работают на преимущества наименее преуспевших, если вообще делают это, и следовательно, в справедливом обществе меньшего числа положений обычно должно быть достаточно.

Важно, что суждения, сделанные с перспективы существенных положений, отвергают требования, которые мы склонны выдвигать в более конкретных ситуациях. Если мы рассматриваем себя в терминах более специфических положений, не каждый всегда выигрывает от того, что требуется двумя принципами. И пока не будет установлен приоритет существенных положений, мы будем обречены на хаос конкурирующих притязаний. Таким образом, два принципа выражают, в сущности, понимание того, что наши интересы должны быть упорядочены приданием им специального веса. Например, люди, занятые в конкретной отрасли промышленности, часто обнаруживают, что свободная торговля противоречит их интересам. Вероятно, промышленность не может процветать без тарифов и других ограничений. Но если свободная торговля желательна с точки зрения равного гражданства или наименее преуспевших, она оправданна, даже если при этом временно страдают специфические интересы. Потому мы заранее должны согласиться на принципы справедливости и их непротиворечивое применение с точки зрения определенных положений. Невозможно гарантировать защиту интересов каждого постоянно, если ситуация репрезентативных людей определяется слишком уж узко. Признав определенные принципы и определенные способы их применения, мы обязаны принять их следствия. Это вовсе не значит, что бедствия свободной торговли должны пройти незамеченными. Но меры по их смягчению должны рассматриваться с точки зрения общей перспективы.

Существенные социальные положения специфицируют в этом случае общую точку зрения, исходя из которой два принципа справедливости должны применяться к базисной структуре. На этом пути приняты во внимание интересы всех, потому что каждый человек является равным гражданином, и каждый занимает место в распределении доходов и богатства, или же фиксированных природных характеристик, на которых основаны эти различия. Необходим некоторый отбор существенных положений для согласованной теории социальной справедливости, и отобранные положения должны быть совместимы с ее первыми принципами. Отбирая так называемые стартовые места, мы преследуем идею смягчения естественных случайностей и социальных обстоятельств. Никто не должен выигрывать от этих случайностей, за исключением тех случаев, когда они способствуют благосостоянию других.

Примечание

[1] Как следует из текста, я буду считать работы Локка *Два трактата о правлении*, Руссо *Общественный договор* и этические работы Канта, начинающиеся с *Основ метафизики нравственности*, в качестве образцов традиции общественного договора. При всем своем величии, *Левиафан* Гоббса поднимает специальные проблемы. Общий исторический обзор можно найти в работах Дж.Гуэ – J.W.Gough. *The Social Contract* (Oxford, 1957), О.Герке – Otto Gierce. *Natural Law and the Theory of Society* (Cambrige University Press, 1934). Представление договорной точки зрения в качестве этической теории можно найти у Г.Грайса – G.R.Grice. *The Ground of Moral Judgment* (Cambrige University Press, 1967). См. также §19, сноска 30.

[2] Фраза «искусственное отождествление интересов» появляется в работе Эли Халеви о Бентаме – Elie Halevy. *La Formation du radicalisme philosophique,* vol. 1 *Nations,* ed. Edwin Cannan (New York, The Modern Library, 1937), p. 423.

[3] По поводу этого определения см. дискуссию в работе М.Боумена по так называемому критерию Фукса (Fuchs) – M.J.Bowman «Poverty in an Affluent Society», *Contemporary Economic Issues,* ed. N.W.Chamberlain (Homewood, Irwin 1969), pp. 53 – 56.